

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

**СПЕЦНАЗ
ГРУ**

Крупная бойня

Улыбка киллера

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Крупная бойня. Улыбка киллера / Сергей Самаров. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Спецназ ГРУ).

ISBN 978-5-04-109400-3

Бывший подполковник ГРУ Виктор Кукушкин работает инструктором по рукопашному бою в одной из структур ФСБ. Но боевое прошлое не дает ему покоя. У подполковника много друзей, но и немало заклятых врагов, особенно – в уголовной среде. Новый пахан по кличке Боб спит и видит, как бы ликвидировать Кукушкина. Бандит подсылает к Виктору на квартиру своих головорезов, и те берут в заложницы его жену Тамару. Кукушкин спешит на помощь. У него уже есть план, как расправиться с отморозками. Если, конечно, он успеет. Дело в том, что бандитам очень не повезло, что они взяли в заложницы именно Тамару. Она — не простая женщина. Она — боевая подруга спецназовца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109400-3

© Самаров С.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Пролог

Вернувшись домой, я не стал предъявлять Тамаре никаких претензий, даже не сказал ей, что определил, кто такой «господин Генералов» — это слишком походило бы на обвинения в ее адрес, а обвинять жену я не хотел, иначе ей пришлось бы вертеться, придумывать, что сказать, чтобы себя не выдать. А мне было бы неприятно наблюдать, как она пытается меня обмануть. Обман никогда не вызывает дальнейшего доверия, а уж обман, порожденный предыдущим обманом, — тем более. Я застал ее уже дома — только что вернулась от майора Никифорова. Вячеслав Петрович по своей традиции напоил Тамару таким крепким чаем, что ей трудно было уснуть.

— Докладывай, товарищ киллер, кого сегодня убил? — потребовала она от меня в шутку, но в каждой шутке, как известно, содержится определенная доля истины. Тамара понимала, что киллеру не каждый день вы-

дают заказы, но каждый день приходится опасаться за свою жизнь.

— Кажется, никого... — Я коротко, возвращаясь к армейским привычкам, рассказал ей о своей работе с лазерным звукоснимателем, о том, как уголовники застрелили двух офицеров ФСБ, как я передал тем же уголовникам заключение эксперта. И как «Генералов» пообещал не использовать меня при ликвидации уголовников двух противоборствующих группировок. Чему я, честно говоря, был очень рад, потому что ввязываться еще и в эту историю мне вовсе не хотелось..

Утром мне предстояло рано выехать в областной центр на встречу с заместителем начальника областного управления ФСБ полковником Альтшулером, и потому я, завершив рассказ, стал готовиться ко сну.

— Ты что такой хмурый? — спросила Тамара. — Я, честно говоря, уже забыла, как твоя улыбка выглядит... После той истории на автозаправке ты ни разу, кажется, не улыбался. А ну-ка, улыбнись! Это приказ!

Я проявил все свои актерские способности, которых, впрочем, было, как мне подсказывала моя собственная скромность, не так уж много, и постарался изобразить на лице обаятельную улыбку. Мои старания, видимо, в кои-

то веки все же увенчались успехом, хотя, скорее всего, не полным, потому что Тамара все не унималась:

— А почему улыбка такая грустная? Веселее надо улыбаться, товарищ подполковник... Про глаза не забывай. Вот так... Улыбаться следует не только ртом, но и глазами. Иначе твоей улыбке не поверят. Все. Вот теперь отправляйся спать. А завтра должен проснуться с улыбкой. Обязан проснуться с улыбкой. Я проверю.

Раньше я часто улыбался. Вообще слыл улыбчивым человеком, с нужным, без перебора, чувством юмора. Но все невзгоды последних лет, постоянные финансовые трудности после выхода на пенсию, кажется, сильно меня придавили, и я улыбаться разучился. Сам не мог уже вспомнить, когда демонстрировал свою улыбку обществу. Наверное, это зря, наверное, улыбаться следует чаще, решил я сам про себя. Подобное, говорят, притягивается подобным. После демонстрации улыбки и причины для нее сами собой появлялись. С этими мыслями я благополучно уснул.

Проснулся, как обычно, рано, когда на улице было еще темно — осенний рассвет приходит всегда поздно, даже зимой с утра бывает светлее, это от снега, как я понимал. Осень

уже конкретно обозначилась, тем не менее заморозков еще не было даже по ночам, и потому дом я пока не протапливал. И даже шланг с водопроводной водой еще не убрал, как обычно убираю на зиму на чердак бани, предварительно слив с него всю воду, опасаясь, что вода может порвать шланг. А вода в кольцах шланга собираться любит, и сливать ее бывает непросто. Желая избавиться от ненужного «украшения» машины, я решил воспользоваться тем, что время морозов еще не наступило. С утра пораньше зажег лампочку на крыльце, размотал и протащил шланг так, чтобы у меня была возможность обойти всю «Камаро» по кругу, приготовил автомойку и принялся прямо у дворовых ворот мыть машину, которая за короткое время моих поездок успела загрязниться, несмотря на то что дождей не было и из-под колес встречного и попутного транспорта вместо грязи летели только сухая пыль и камешки. Но сухая пыль с камешками может быть порой хуже грязи. Она, как наждачная бумага, царапает лакокрасочное покрытие автомобиля, и потому сухой тряпкой ее вытирать нельзя.

Мытье машины я закончил, когда уже рассвело. Рассвет в наших широтах пусть и не стремительный, как, скажем, в горах Кавка-

за, тем не менее надолго не затягивается. Я выключил лампочку на крыльце, хотя деньги пока еще были, я все же предпочитал экономить даже на электричестве, с мягкой тряпкой в руках обошел вокруг «Камаро», любясь ее спортивными формами, убрал лишние подтеки воды, после чего, задумавшись о своей спортивной форме, взял из дома перчатки для рукопашного боя, которые отличаются от снарядных только тем, что имеют пальцы, как настоящие перчатки, пусть и прикрывающие те же пальцы только наполовину, чтобы не мешать делать захваты, и ушел за дом, где у меня стоял турник и висела боксерская груша. Как и полагается, сначала сделал интенсивную разогревающую зарядку, чтобы не потянуть неразогретые мышцы, после чего выполнил несколько силовых упражнений на турнике и три минуты с высокой степенью интенсивности избивал боксерский мешок, стараясь наносить не силовые удары, а только скоростные. Через три минуты традиционно уже начинают болеть костяшки пальцев, потому что спортивный эластичный бинт в домашних тренировках не использую, средства тейпирования — тем более, умышленно набиваю на костяшках жесткие мозоли, чтобы при случае мог нанести кулаком удар, как страус пят-

кой. Удар страуса тем, говорят, и хорош, что он бьет жесткой мозолью, сам при этом не испытывая боли, но причиняя ее тому, кого бьет.

Когда, завершив занятия, я относил перчатки домой, на крыльце встретил Тамару, только-только проснувшуюся. Обычно она встает раньше. Видимо, сказались крепкий чай майора Никифорова и нервные переживания последних дней. Все-таки пятьдесят семь лет — это не двадцать семь, когда нервы у Тамары были настолько железные, что ей завидовали многие боевые офицеры спецназа. Особо они завидовали ее хладнокровию и умению мыслить и действовать нестандартно. Но это у нее не приобретенное качество. Это в крови, как у многих чеченцев.

Я улыбнулся ей, старательно вкладывая улыбку и в глаза, как она на ночь глядя учила меня. У меня это получилось легко потому, что я не хотел говорить с женой о возможной ее работе на «господина Генералова». Маскировался то есть. В такие моменты у меня обычно наступает мобилизация организма и все дается легко. Удалось и в этот раз. Тамара моей улыбке поверила и заулыбалась в ответ. Только вот я видел в ее улыбке наигранность.

Сам же я просто заново учился улыбаться. Обдумывая свою предстоящую встречу с пол-

ковником Альтшулером, решил, что лучшее противодействие всем его подозрениям будет в моей улыбке. Это не должна быть улыбка дурака, а просто добродушная улыбка человека, у которого все хорошо. У которого прекрасное настроение, и он готов делиться им с другими. Для меня это оказалось несложно, поскольку именно таковым я себя и чувствовал.

При этом я не забыл и о второй своей задаче. Я пообещал привезти старушке вахтерше в офисном здании на проспекте Победы мешок шерсти ньюфаундленда и надеялся, что та пара уголовников, что входила в здание по пропускам, а уходила, не отметив их, ничего плохого вахтерше не сделала. И вообще у нее уже должна была бы к их приходу закончиться смена, если можно дежурство назвать рабочей сменой. Дав слово офицера бабушке, пусть даже и по другому поводу, я словно бы взял ее под защиту. И даже подумывал о том, что горе Бобу и Валету, если они еще и в бабушку выстрелили. Вне зависимости от того, кто стрелял, наказание должны понести оба. Они, скорее всего, его и понесут со стороны бойцов группы центра специального назначения ФСБ. Но всякое может случиться. Могут ведь уйти или заранее почувствовав неладное, или в самый критический момент. Гонять-

ся за ними и искать их я не собирался. Но стал бы искать в том случае, если бы они посягнули на жизнь бабушки-вахтерши. Предупредить ее, не выдав себя, я возможности не имел: такое предупреждение попросту провалило бы мои действия. Но это и заставляло меня испытывать чувство вины, поэтому хотелось побыстрее узнать, реальное это чувство или надуманное.

Открыв ворота, я задним ходом выехал со двора.

— Уже поехал?

Вопрос Тамары я прочитал по губам, поскольку расстояние между нами было слишком большим, чтобы слышать шепот. Но сам играть в глухой телефон не собирался и, опустив в дверце стекло, крикнул ей:

— К Петровичу хочу съездить. Он как-то говорил, что у него есть несколько мешков шерсти с собаки. Я тут в городе одной бабушке пообещал. Заеду, спрошу.

— Пешком бы ходил... — предложила Тамара. — Там дорога такая, что не проедешь...

Я согласился. Заглушил двигатель и вышел из машины, так и оставив ее за воротами.

— И вообще в нашем возрасте больше ходить надо, — добавила жена. — А то все на колесах и на колесах... Сердцу тоже нужна по-

стоянная нагрузка. А ноги у человека, сам понимаешь, главный насос для прогонки крови по телу.

При этом она имела в виду, как я понял, не мой возраст, а и мой, и свой... В этом я ее никогда не понимал. Тамара не разрешала мне называть ее бабушкой, хотя по возрасту она таковой уже являлась. Но никогда не забывала сказать мне про то, какой образ жизни следует вести в нашем возрасте. Иногда, случалось, я «взбрыкивал». Это потому, что и сейчас мог провести, скажем, десятикилометровый марш-бросок, загнать на этой дистанции взвод подготовленных солдат, а самому здоровье еще позволяло после марш-броска трижды в оба конца преодолеть «полосу разведчика»¹. Сама

¹ «Полоса разведчика» — намеренно удлиненная и усложненная в прохождении стандартная армейская полоса препятствий. Не имеет строго определенных параметров и в разных подразделениях спецназа создается стараниями офицеров на их собственный вкус и фантазию из подручных средств. Так, например, в подразделениях, которые часто бывают в командировках в регионе Северного Кавказа, обычно полоса препятствий завершается скалодромом, превращая в самодельный сложный тренажер обычный соревновательный объект спортсменов-скалолазов. (*Здесь и далее прим. автора.*)

Тамара, кстати, хотя и отставала от меня в беге, но отлично проходила в свое время «полосу разведчика». Могла дать солдатам некоторую фору. Чаще всего это касалось солдат-призывников, которых в спецназе обычно бывает примерно столько же, сколько и контрактников, или же немного меньше. Но призывники спецназа ГРУ — это обычно спортсмены-разрядники, а порой кандидаты в мастера спорта или даже мастера спорта. В некоторых бригадах старались набрать призывников, имеющих успехи в спортивных единоборствах. Но наш командир бригады всегда старался подбирать пополнение из спортсменов-стайеров или лыжников и биатлонистов, что всегда особо отмечал в заявках, отправляемых в военкоматы. Это потому, как он сам объяснял, что представители этих видов спорта умеют терпеть и пересиливать свою усталость. Научить бойца драться всегда легче, чем научить его терпеть. Терпение — это уже характер человека. А в армию парней забирают тогда, когда их характер уже сформировался.

В этот раз, чтобы Тамара не подумала, будто я что-то против нее имею, я пошел к Петровичу пешком без возражений, даже слова про свой возраст не сказав. И только по дороге сообразил, что не Тамара передо

мною заискивает, чувствуя свою вину перед мужем, а я заискиваю перед ней, ее же вину чувствуя, но не желая этого показать. Долго ли протянется такое положение, я не знал. Однако меня оно не сказать что сильно, но слегка угнетало.

Я уже прошел больше половины деревни — старик Петрович жил в самом начале ее, тогда как я практически в самом конце, — когда у меня в кармане зазвонила трубка «БлекБерри». Я уже давно по голосу различал, какая трубка звонит. Тем более что свою родную трубку я носил в кожаном чехле на поясе, а трубку шифрованной связи с «господином Генераловым» всегда в одном и том же кармане своей камуфлированной куртки.

— Кукушкин. Слушаю вас, Валентин Юрьевич.

— Как дела, Виктор Вячеславович? Ты еще не в дороге?

— Нет. Еще по деревне гуляю. Пошел за собачьей шерстью.

— Ну хорошо, что не за рулем, и хорошо, что не разбудил тебя.

— Я уже давно встал. Успел машину помыть, потом интенсивную тренировку провел. Чувствую себя в прекрасной форме. Хоть снова в армию просись...